

«Дорогая я десять лет спустя.

Рада тебя видеть. У меня сейчас идут летние каникулы, а у тебя что? Взяла сегодня выходной?

Помнишь, как писала это письмо? Думаю, да. Не представляю, какая ты сейчас, но у меня такое чувство, что ты определенно помнишь о нем. Прости, если ошибаюсь.

Ты все еще...»

□

Прошло уже три дня как я остановилась на этом предложении. Почему-то ничего больше в голову не приходило.

Наступили летние каникулы, это была суббота, дополнительных занятий посещать не нужно, но важные дела учеников третьего года никуда не делись. Итак, я смирилась провести очередной день в библиотеке.

По прибытии в школу ранним утром я поняла, что заявила сюда для подготовки к вступительным экзаменам не одна. В учебной комнате я нашла пустой стол на четверых. Через два часа усердных занятий математикой сделала перерыв и достала письмо. Сегодня я точно придумаю, что написать.

Я уже десять минут сидела с ручкой в руке... но ни одного слова на ум не пришло.

Сложно писать себе — тем более, себе из будущего — учитывая, что я даже друзьям ничего не писала. Через несколько месяцев нужно поступать в институт, а я его даже не выбрала. Откуда мне знать, какой будет моя жизнь через десять лет? Тем не менее у меня осталась всего неделя, чтобы написать письмо...

Пока я витала в облаках, через стол рядом протянулась рука и схватила стул.

— Доброе утро, Кё-кун, — прошептала я.

— Доброе утро, Миязато-сан, — тихо ответил он, сел напротив, достал принадлежности из сумки и погрузился в учебу.

На протяжении нескольких месяцев после начала третьего года старшей школы мы пересекались в библиотеке почти каждые выходные. В эти дни мы обходились без пустой болтовни. Я отложила письмо и решила переключиться на историю. Все равно не смогу написать ни строчки, пока кто-то сидит рядом.

Прошло еще два часа усердной работы, чередующейся перерывами на туалет или глоток воды. Время уже перевалило за полдень, и в приглушенном разговоре с Кё-куном мы решили сходить за перекусом — награда за ранний подъем. Ничего необычного, поэтому не стали мешкать и сразу выдвинулись в путь.

Как только мы покинули прохладную и тихую библиотеку, на нас тут же обрушилась летняя жара и вой цикад. Я буквально чувствовала, как жар от солнца обволакивает кожу. Сердце заколотилось, и я широко расставила руки.

Перекусить мы всегда ходили в одно место, закусочную у местного супермаркета, всего в пяти минутах от библиотеки. Там располагались Макдональдс, ларьки с такояки и удоном, и... собственно, больше ничего — но разнообразия вполне хватало, чтобы мы возвращались сюда дважды в неделю. По сравнению с походом в прошлые выходные сегодняшнее меню осталось прежним.

Но кое-что изменилось...

— Ай! Простите!

Кё-кун, казалось, затерялся в мыслях: он попытался взять сдачу на кассе Макдональдса, но монеты посыпались на пол. Я наблюдала за ним у ларьков с удоном. Такая растерянность происходила с ним в последнее время все чаще, и я гадала, не случилось ли чего. Может, между ним и Микки что-то произошло? Всякий раз, когда я замечала за ним неуверенность, за этим всегда скрывалась какая-то причина.

Пока жарилась его картошка фри, я получила свой кицунэ удон и стала ждать соседа за столом. Вскоре и он подошел с комбо-обедом и застенчивой улыбкой на лице.

— Было так стыдно.

Ага, вижу.

— Что случилось, Кё-кун? Ты все чаще и чаще становишься рассеянным, — поинтересовалась я, даже не пытаясь подобрать правильные слова. Он не догадывался, что я в курсе его влюбленности

— Э-э-э-э... да так, ничего, — ответил он уклончиво.

— Так это секрет?

— Нет, правда, ничего такого.

— Ладно, секрет так секрет. Поняла.

Он нахмурился. Недавно я выяснила, как забавно порой подшучивать над ним (но только над ним). Я с ухмылкой посмотрела на него, когда он поспешно сменил тему.

— Ох, кстати, хотел спросить. Письмо, над которым ты сидела в библиотеке, оно ведь для капсулы времени?

— Ага. Но у меня не получается ничего придумать, вот и прогресса никакого. А ты закончил свое?

— Пока нет. Тяжело представить, каким я буду через десять лет.

— И мне тяжело представить! Никак не лезет картинка себя после двадцати. Может, люблю кого-то. А ты?

— Чего? Э-э... хм-м-м-м...

Ну не мог он оставаться спокойным в такие моменты.

Я думала рассказать обо всем, что мне известно, и тогда ему будет кому выговориться. Может, помогу с его проблемами, и бедняжке-кассирше не придется смотреть, как он подбирает каждую упавшую на пол монетку.

Ведь правда... нам, абитуриентам, не стоит отвлекаться на проблемы, мешающие учебе.

Но когда я уже хотела поговорить о любви Кё-куна — той самой, о которой уже несколько месяцев делаю вид, будто ничего не знаю, — он вдруг уставился куда-то мне за спину. Затем из его тела вылетела стрелка и пролетела мимо меня.

А, гости пожаловали.

— Что там? — спросила я, оборачиваясь.

Конечно же, это были Микки и Психичка, выходящие из супермаркета с мороженым в руках. Я не особо любила кричать и просто энергично помахала им. Психичка заметила меня первой и в ответ подняла руку. Из нее также вылетела стрелка.

Микки проследила за взглядом подруги и яростно замахала в приветствии. Ее стрела ракетой устремилась в мою сторону, пробила меня, точно кебаб из угря на вчерашней передаче по кулинарному каналу. Однако, в отличие от того угря, я уцелела и указала на свободный стол

для четверых неподалеку, куда мы с Кё-куном перенесли вещи.

Он сел напротив. Микки подбежала галопом и уселась рядом со мной.

— Утро-о-о-о-о доброе!

Чуть позже подошла и Психичка, покусывая арбузный фруктовый лед. Она села рядом с Кё-куном.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — вдруг провозгласила она вместо приветствия.

Мы вопросительно посмотрели на нее.

— О чем ты? — спросила Микки.

Я вроде бы понимала, к чему вела Психичка, но не была уверена полностью. Однако решила попытать удачу.

— Ты имеешь в виду, что... арбузный фруктовый лед имеет вкус арбуза?

— Стоило догадаться, что ты поймешь, Миязато-чан. А вот остальным следовало бы уделять больше внимания окружающему миру. Честно, вы как парочка дурачков. Вам следует встречаться.

Я испытала облегчение, когда угадала, но еще была слегка напугана тем, как далеко зашла шутка. Хотя их это разволновало еще сильнее: они запаниковали и поспешно сменили тему словами: «О, кстати...»

В конце концов, разговор так ни к чему и не привел.

Ухмыльнувшись, Психичка посмотрела в мою сторону. Наши взгляды пересеклись, и я хихикнула.

Эти двое мило отводили глазки, и я решила съесть свой кицунэ удон, пока лапша не размягчилась.

□

После перекуса мы вернулись в библиотеку и просидели там до шести вечера. Психичка ушла пешком, поскольку проживала неподалеку, а вот Микки отправилась на велосипеде на восток. Вновь остались только я и Кё-кун. Наши дома находились в одном направлении, поэтому после

таких занятий мы уходили вместе.

Оставшись наедине со мной, Кё-кун тихо выдохнул. Когда мы вдвоем, ему было настолько легко, что он расслаблялся — от этого у меня слегка голова ходила кругом. Впрочем, наша маленькая компания успокаивала и меня... хотя никогда не скажу об этом вслух, все-таки слишком неловко.

— Микки сегодня была шумной, да?

— Ага. С неба льется дождь или солнце ярко светит, но она всегда полна энергии.

Всякий раз, когда я упоминала Микки, Кё-кун отвечал серьезно, был на дворе хоть дождь, хоть яркое безоблачное небо. Меня это искренне поражало. Мне так никто в жизни не нравился.

Ох, точно. До появления Микки и Психички я же собиралась рассказать, что знаю о его любви. Почти забыла... Ладно, наверное, я должна сделать это сейчас.

Приняв решение, я взглянула на него.

— Слушай...

— Слушай...

Мы заговорили одновременно. Мгновение смотрели друг на друга с широко распахнутыми от удивления глазами, а затем рассмеялись.

— Давай, говори, — предложила я.

— Спасибо. Так, эм... я хотел бы услышать твое мнение... Хм... Все нормально, если ты не ответишь, но... ну... э... Не против, если я спрошу?

— Конечно.

Я было польщена, что за советом он обратился ко мне.

— Ладно, итак, по сути... Мне сказали, что я должен поступить в тот же институт, что и Мики-сан. Как считаешь, я действительно должен?

— Кто тебе такое сказал?

— Сама Мики-сан. Она вдруг заявила это, и я не совсем ее понял. Поэтому захотел прояснить, как на такое смотрят девушки...

Закатила ли я глаза на его переживания, которые для многих будут мировой проблемой? Нет. Вероятно, я бы вела себя так же на его месте. Но это хотя бы объясняло, почему он был таким рассеянным.

— Ну, я не уверена... Что насчет твоего направления?

— Оно было в брошюре, которую мне показала Мики-сан.

— Хорошо, тогда почему бы не поступить туда?

— М-м-м... Их требования немного выше, чем у моего лучшего института...

— Тогда учись усерднее!

— Меня несколько смутило, что она предложила это именно сейчас. Может, это очередной план Сенсея...

Психичка потребовала, чтобы он называл ее Сенсеем, но в последнее время ему и самому нравилось это делать. Мне кажется, в этом прозвище нет глубокого смысла, но оно все равно выглядело забавным.

— Так что ты думаешь?

По правде говоря, я не прочь послушать его доводы, но он предложил сделать это мне. «Лучше тебе не сожалеть о вопросе», — игриво подумала я, решив раскрыть большой секрет о том, что я знаю его большой секрет.

— Оставим пока Психичку в покое. Разве для тебя поступление в один с Микки институт не будет значить многое?

Я была уверена, что он удивится, и готовилась насладиться этим сполна. Но его реакция отличалась от ожидаемой.

— Э... ну, да, многое, — промямлил он, словно отвечал на самый обычный вопрос.

— Погоди... ты совсем не удивлен, что я знаю о твоих чувствах?

— Что?.. М-м, чего?

Мое предвкушение исчезло.

— Проклятье, я могла бы дразнить тебя еще много лет!

— Не надо, пожалуйста... Зука и Сенсей уже вдоволь посмеялись. Просто сделай вид, будто ничего не поняла.

— Еще чего! Это ведь потрясающе, она предложила поступить вместе с ней в одно место. Может, пора уже строить планы, как признаться ей в любви! Скажи что-то вроде такого: «Знаешь, после экзаменов я предложу тебе встречаться!»

— Если так скажу, это будет самым настоящим признанием в любви...

— Идеально! Вот и сделай!

— Ох, Боже, так ты собираешься подшучивать? Я готовился винить Зуку и Сенсея, если провалю экзамены, но придется, видимо, и тебя.

— Вот еще неплохая идея: «Увидимся в следующем году — просто дождись».

— Ого, правда хочешь, чтобы я не сдал? Тоже мне друг!

Он закрыл лицо руками и сделал сокрушенный вид. Сначала мое сердце пропустило удар, но затем Кё-кун взорвался смехом. Я усмехнулась, чтобы он не подумал, будто я загрустила.

— Разве важно знать, почему Микки хочет видеть тебя в своем институте? Просто поступи туда и все.

— М-м-м... Я не уверен, должен ли воспринимать ее предложение буквально...

— Ты ведь знаешь, какая она. Не станет говорить загадками.

Судя по всему, он уловил невысказанное «в отличие от тебя или меня». Но ему нравилась прямая искренность Микки. Скорее даже, он любил в ней эту черту. Я смутилась об одной этой мысли.

— Я не совсем это имею в виду. Просто задумался, вдруг она скрывает от меня нечто большее.

Ох. Наверное, он вспомнил случай с шампунем. Прости, моя вина. Но извинения ему не то чтобы нужны, поэтому я решила дать подсказку:

— Вряд ли ей сейчас есть дело до подобных игр. Ты ведь знаешь ее — как только устанавливает перед собой цель, несется к ней напрямик.

— Ага, туннельное видение. Она даже не замечает подначки Сенсея... Может, эту особенность она получила после кучи стометровок.

Вероятно, он даже не подозревал, как сияло его лицо во время обсуждения Микки. Но если укажу на это, скорее всего, он уже никогда не заговорит со мной о ней из-за застенчивости, потому я решила попридержать колкости на другой день.

И еще я не стала поправлять одно маленькое недоразумение.

□

Микки ничего не скрывала. Это совершенно очевидно. Кё-кун просто кое-что не подметил, потому что его неуверенность в себе, как и в моем случае, не позволяла такой возможности даже прийти в голову. Но знаешь, Микки, лишь эта черта и удерживает кота в мешке.

Когда я впервые услышала о предложении поступить в один и тот же институт, то подумала, что идею подала Психичка. Поэтому в понедельник, после дополнительных занятий и библиотеки, я решила спросить ее напрямую.

— Ты должна знать, что слова «осторожность» нет в словаре Мики-чан, — сказала Психичка. — Она его маркером выделила. Как и слово «содействие».

— Получается, ты ни при чем?

— Не-а, говорю тебе! Значит, вот чего Кё такой суетливый, поняла. Как дети малые, честное слово. Будешь пино*?

— Конечно. Возьму одну.

□

[П/П: Мороженое в коробке в виде кругляшек. Похоже на чокопай]

□

Она порвала только что купленную в магазине на углу упаковку, засунула в рот один за другим три шарика, затем протянула ее мне.

— Можешь съест осфальное.

Она не впервые так со мной делится, потому я с благодарностью начала есть пино маленькой пластиковой ложкой. Лишь с недавних пор я пришла к пониманию, что в кругу друзей нет места скромности.

Мы медленно шли по домам; солнце светило чуть ярче для шести часов вечера.

— В каком-то смысле это секрет для Микки и Кё-куна, — задумчиво произнесла я. — Как с одетой задом наперед футболкой: только они этого не замечают.

— Сказала как истинный поэт! А вообще я согласна, создается впечатление своего рода изнанки, о которой знают все, кроме них. Словно идешь смотреть мюзикл, но тебе показывают только закулисье... Да уж, кто еще построит такую аналогию? Хорошая работа, Психичка.

Для кого-то мороженое вкуснее летом, но у Психички каждый день наполнялся весельем.

— Удивительно, что она с тобой не поговорила, — продолжила я.

— А разве это не ожидаемо, моя дорогая? — театрально спросила Психичка. — Наша девочка невинна, как свежий снег. Ей слишком неловко упоминать о таком самой... Пусть это и мучительно очевидно.

— Мучительно еще мягко сказано, — кивнула я.

— Но каждый верит, что держит секрет при себе. Хотя бы эту часть они друг о друге не знают. Однако это как с капсулой времени: мы не можем позволить им забыть про захоронение!

— Надо же, какие речи ты толкаешь с непреклонным лицом.

Она придвинулась ко мне. На самом деле Психичка была права — я разговаривала со взрослыми, и все говорили, что забыли о месте захоронения. Наверное, за десять лет у них появилось множество обязанностей, которые мешали вспомнить о капсуле времени. Будет трагично, если об этом позабудут и Микки с Кё-куном.

— В идеале, — начала Психичка, — хотелось бы чуть-чуть подтвердить их чувства друг к другу. Но если Мики-чан лишь сейчас доперла пригласить Кё в свой институт... сама понимаешь, до конца экзаменов она не сделает больше ни одного шага.

— Абсолютно точно.

— ТАК ДАВАЙ ПЕРЕПИШЕМ СЦЕНАРИЙ!

— Чего разоралась?!

Когда Психичка повышала голос, я всегда вздрагивала. От крика даже соседские кошки проснулись и разбежались кто куда, впрочем, она не обратила на это внимания.

— Помнишь про письма будущим себе для капсул времени? Что, если напишем по одному для каждого из группы?

— В смысле? И отдать их через десять лет?

— Нет. Я хочу, чтобы письма были до жестокого искренними. Когда откопаем капсулу, пусть каждый перечитает свои. Так мы выясним, как поменялось наше мнение о друзьях... Кё и Мики-чан напишут о своих искренних чувствах. Как только они облекут их в слова, то уже никогда не смогут позабыть.

— Поняла теперь, — кивнула я, хлопнув в ладоши. — Постой... остальные, наверное, еще не написали себе письма? Я вот нет.

— Тогда тем более должно сработать. Уверена, никто еще не закончил. Пройдет сто лет, а я все равно не придумаю, что написать себе из будущего.

— Что? Но это была твоя идея!

— Я только говорить умею, но сама ничего не делаю. Мне стоит быть политиком, правда?

Она, видимо, находила это забавным. Хотя стоит признать, сама я не то чтобы расстроилась. Все-таки писать письмо кому-то другому казалось намного проще и веселее. Мы не будем делиться ими, так что могли быть настолько честными, насколько сами того хотели.

Я начала обдумывать, кому написать первому, когда Психичка понимающе ухмыльнулась:

— Даже господин Обходительность сможет вспомнить о важных для него вещах! Ох, забудь. Я сказала это случайно и точно не для того, чтобы ты переваривала эту мысль в голове.

— Как... Эй, нечестно!

Я озадаченно нахмурилась, а подруга лишь посмотрела в ответ и засмеялась пуще прежнего. Каким человеком она будет через десять лет? Мне уже не терпелось написать о ней письмо.

Господин Обходительность? Это она, наверное, имела в виду Зука-куна... Но что стояло за этим прозвищем?

Не успела я опомниться, как нам пришлось разойтись в разные стороны.

□

Лишь Микки активно воспротивилась. Она бросилась на Психичку и ущипнула ее за щеку.

— Я! Свое! Уже! Написала!

Меня это искренне поразило. Она, вероятно, видела будущую себя предельно ясно. Не хотелось, чтобы ее труд пропал насмарку, потому я предложила написать письма не только о друзьях, но и себе из будущего, как и договаривались изначально. С этим компромиссом конфликт был решен.

К счастью, Микки словно лучилась энтузиазмом написать еще больше нужного. Заявила, что «может использовать этот шанс как перерыв от учебы».

Оставался только Кё-кун. Сообщала новости ему Психичка, прижав к стене, точно грабитель.

— Тебе не придется его никому показывать, можешь писать что душе угодно, — небрежно объяснил Зука-кун.

— У-у-у-у, — застонал Кё-кун.

Ничего против Зука-куна не имею, но я понимаю Кё-куна. Мы можем не читать письма вслух, никто и никогда не узнает о содержимом, но трудно представить, что наши чувства настолько важны, чтобы увековечить их на бумаге. Но его чувства заслуживают найти выход.

Я обнадеживающе улыбнулась.

— Он прав, Кё-кун.

Немногим позже, по пути домой, Кё-кун, Психичка и я остановились у магазина канцтоваров. Как-то между делом выяснилось, что он пишет письмо на вырванном листке тетради, поэтому мы отправились прикупить ему нормальную бумагу. Под «мы» я имею в виду себя и Психичку.

— Хоть один роман писался на клочке тетрадной бумаги? Чушь какая! — ругалась она.

В итоге он выбрал канцелярский набор небесно-голубого цвета — обнадеживающий цвет

стремлений. И раз уж мы зашли в магазинчик, я купила тетрадь с номерами страниц, украшенными котятами; Психичка же взяла пахнущую клубникой стерку.

Придя домой тем вечером, я села писать первое полноценное письмо. Мне было мучительно писать самой себе, но сейчас у меня получилось — и это показывало, насколько небезразличны мне друзья. Сперва я даже обрадовалась. Но потом начала задаваться вопросом, а что же напишут обо мне, и мой мозг отказался засыпать.

□

«Дорогой Зука-кун.

Знаешь, неловко писать о своих чувствах. С того самого апрельского дня, когда ты увидел мои слезы, я чувствовала себя жалкой неудачницей, все надеялась залезть в дыру и умереть. Но даже в тот момент я скорее была благодарна, чем смущена. Для меня твой поступок многое значил — ты поделился своим секретом, чтобы утешить.

Ты создаешь впечатление спокойного, беззаботного парня, но правда в том, что именно ты проявляешь к нам самое пристальное внимание. В тебе есть ответственная сторона, и я это уважаю. Что же до того, каким я представляю тебя через десять лет, — ты определенно исполнишь свои желания. И кто знает, может, ты прилетишь обратно в Японию именно для того, чтобы помочь нам выкопать капсулу времени. Я совсем не удивлюсь, если твоя будущая девушка или жена будет той, кто ставит точку в решениях.

Думаю, из всей нашей группы именно ты и я отличаемся сильнее всего, но буду надеяться, что и через десять лет мы останемся друзьями. До тех пор я попытаюсь быть человеком, который подбодрит тебя в тревожные времена.

Если так подумать, я еще не видела твою стрелку — ни разу. Но ее направление не так уж важно — я буду всем сердцем поддерживать тебя и твои мечты».

□

Ранним воскресным утром десятки учеников пришли в местную подготовительную школу для сдачи пробного экзамена. Зука-кун писал его в одном классе со мной, хотя сидели мы в противоположных местах.

Мы пересеклись в столовой во время обеда. Я взяла бэнто, он — сэндвич в магазине за углом.

— Ужасно извиняюсь, что прерываю ваше свидание, но я присяду? — спросила Психичка жеманным голосом.

Сегодня мы сдавали лишь пробный экзамен, но по непонятной причине я чувствовала тяжесть

в животе. Однако стоило только увидеть эту дерзкую ухмылку, как мне стало немного лучше. За Психичкой показались Микки и Кё-кун. Такую трусиху, как я, обнадежили знакомые лица в неизвестной обстановке.

Разговор мы начали с обыденных для школьников тем: жаловались на попавшиеся вопросы, спорили насчет структуры предложения на английском. Но постепенно обсуждение свелось к капсуле времени. Из-за последних изменений в правилах мы могли ее записать на две недели позже, начиная с прошлой пятницы.

— Ну как, кто-то уже закончил любовную оду? Вам лучше поторопиться, а то я сама возьмусь за дело, — пошутила Психичка.

Я глянула на Кё-куна и Микки. Поддразнивания Психички обычно меня смущали, но сейчас мне было известно, зачем она так поступает, и остановить ее я не могла.

— Ну, эм, я успела написать только злостную тираду о Зуке, — вернула Микки шутку, скрывая смущение.

— Также, — ухмыльнулся Зука-кун.

— А я люблю вас обоих, — искренне ответила Психичка.

Ее невозмутимый голос добавил забавный контраст, отчего Кё-кун рассмеялся.

Всего-навсего обычный обеденный перерыв, но он сотворил чудеса. Окончив полуденные тесты, я ощутила прилив уверенности насчет своих перспектив.

По дороге домой мы остановились у закусочной и устроили небольшую беседу на следующие полчаса, после чего решили разойтись. Выпускникам некогда расслабляться, по возвращению домой придется вновь сесть за учебники.

Я не стала просить маму подобрать меня и вместо этого села сзади на велосипеде Кё-куна. Честно говоря, не стоило этого делать, но на своих двоих пришлось бы далековато идти. Рядом ехала Психичка на велосипеде Зука-куна. Мы выбрали велосипедную дорожку, так что не столкнемся с машинами.

Если бы Микки жила недалеко, я бы предложила ей сесть на мое место... но только потом до меня дошло, что Кё-кун наверняка так сильно разнервничается, что уронит велосипед вместе с ней. Представив эту картину, я засмеялась.

Помахав на прощание, мы с Зука-куном и Психичкой разделились. Я сказала, что оставшийся путь могу пройти пешком, но Кё-кун настоял отвезти прямо до дома.

— Над чем смеялась? — спросил он.

— Ох, да так, подумала просто... Если бы Микки села вместо меня, ты бы с ума сошел и рано или поздно свалился с велика.

— Чего?! То есть... ну... ага...

— Вот и я подумала также. Ты уже написал ей письмо?

Технически это уже не было «письмом», ведь мы не собирались отдавать их получателю, но пусть будет так.

— Еще нет, — качнул он головой.

— Написать все равно нужно. И вложить в него полную искренность.

— Н-н-н...

— Seriously, ты должен это сделать.

Какое-то время он не отвечал. Я начала переживать, что излишне допытываюсь и ему это не нравится. Велосипед медленно остановился. Мы подъехали к моему дому.

— Спасибо, — сказала я и спрыгнула.

— Я боюсь.

Он на меня не глядел.

— Чего?

Глубоко внутри я знала ответ, но ход разговора вынудил спросить, и мне стало не по себе. Он неловко улыбнулся, как делал всякий раз, когда его подначивала Психичка.

— Много чего.

Да, оно и понятно.

Мы попрощались. Как только он исчез из виду, я повернулась и помолилась за него.

□

«Дорогая Психичка.

До недавних пор я немного побаивалась тебя. Когда ловила на себе твой взгляд, мне казалось, что ты видишь меня насквозь. Ты постоянно дурачишься, но у меня такое чувство, словно ты обращаешь на людей гораздо больше внимания, чем кажется. Раньше это пугало, но сейчас уже нет.

Возможно, ты взбесишься, но... в каком-то смысле мы с тобой похожи. Обе боимся, если можно так сказать, определенных людей. Или я просто накручиваю себя?

Так или иначе, мне нравится твоя веселая, показная сторона и осторожная внутренняя. Через десять лет, уверена, ты будешь той же Психичкой, какую мы знаем сейчас. Я с волнением ожидаю увидеть тебя в образе очаровательной девушки.

Сомневаюсь, что кто-то еще знает об этом, но я вижу — ты подавляешь чувства и ставишь на первый план счастье дорогого человека. Я молюсь всем сердцем, чтобы ты однажды нашла и свое».

□

На следующий день после дополнительных занятий Микки сказала, что сильно хочет сладенького. В другое время я бы сразу после окончания учебного дня отправилась в библиотеку, но в этот раз решила пойти перекусить в столовую. Остальные тоже подтянулись. Все, кроме Зука-куна, — он отправился бегать вокруг школы. Микки купила шоколадную завитушку, мы выбрали мороженое. Вместе уселись за стол в углу, чтобы наградить мозги сладким.

— Как поживают письма? — спросила Психичка, копаясь в порции ложкой для карри вместо небольшой деревянной, что шла в комплекте.

Микки должна была немедленно взять слово, но ее щеки по-беличьему надулись, так что я решила прикрыть подругу:

— Два есть, осталось еще два. Писать несколько писем другим намного легче, чем всего одно и себе!

— Узнаю Миязато-чан! Видишь, я понятия не имею, что писать самой себе. Покажешь письмо как образец?

— Это жульничество! — вскрикнула Микки подобно судье, когда проглотила завитушку.

Психичка цокнула.

— Надеялась проскочить, — ухмыльнулась она и умолкла, чтобы зачерпнуть еще одну ложку мороженого. — Должна признать, мне правда любопытно, о чем ты думаешь, Миязато-чан. Сколько бы дала баллов Микки по шкале глупости? Уверена, ты точно об этом написала.

— Элли ни за что и никогда не напишет о таком, огромное тебе спасибо за теплые слова!

— Это правда! Я не думаю, что она такая уж глупая. Просто есть много всяких проблем.

— Эй! — Микки в ответ на шутку уставилась в потолок. — Это у меня проблемы?..

Она спросила тихонько, словно ждала ответа от самого Бога. Я знала, что она не в обиде, но все равно хотелось немного сгладить углы.

— Я просто пошутила, дуреха. Письмо тебе пока не написала, но у меня нет планов говорить о тебе всякие гадости. Если не веришь, можешь потом сама прочитать.

Клянусь, тут не было никакого злого умысла. Я просто пыталась подбодрить ее. Но уже было слишком поздно для оправданий. И почему я говорю, не обдумав ни единого слова?

— Правда? Хочешь обменяться письмами? — предложила Психичка, хотя вряд ли серьезно.

— Нет, дурочка! Сказала же, просто пошутила! — повторила я.

Казалось, на этом все и закончится. Но отдельные фразы в разговоре не разделены как капли дождя, когда каждая падает сама по себе. Нет, они плывут в едином потоке, точно бушующая река.

— Мы должны обменяться! Будет еще веселее!

Я не сразу поняла, что мы все поучаствовали в создании этой реки... и с какой огромной силой придется столкнуться, чтобы идти наперекор потоку.

— Ага, мне нравится!

Микки энергично кивала, ее глаза сияли. Взволнованная внезапной сменой курса беседы, я попыталась вернуть все назад.

— Но... у вас разве нет того, о чем вы бы не хотели делиться с остальными?

— Не-а! Могу что угодно рассказать вам! Конечно, выйдет нелепо, но это будет только через десять лет, правильно? Пока все остается между нами, я не против.

Я потеряла дар речи. В который раз ловлю себя на том, что восторгаюсь ее невинностью. Она искренне желала поделиться письмами. Ее уверенность выбила из меня дух.

Я невольно посмотрела на Психичку. Та глядела в сторону Кё-куна.

Ох, теперь поняла.

Мы ведь придумали затею с письмами о друзьях, чтобы помочь этой парочке. Потому Психичка, наверное, хотела услышать последнее слово Кё-куна. Я перевела взгляд на него. Но не успела получить подсказку по выражению лица, как в него выстрелила стрелка и раздался громкий, чистый голос Микки:

— Что думаешь, Кё-кун?

Она спрашивала не только о предложенном изменении правил, и я глубоко переживала за него. «Что бы ты ни решил, просто будь честен с собой», — подумала я. Не хотелось, чтобы в письмах он лгал.

Но этому не бывать.

— Нет...

Кё-кун сказал это тихим голосом, но я уверена, Микки поняла вложенный смысл. Он посмотрел ей в глаза и качнул головой. Затем отвел взгляд в мою сторону.

Его слова обладали силой, способной пойти против потока. Каждый мог с уверенностью сказать: он всем сердцем был против. Но я испугалась, что Микки будет неудобно после отказа. Я боялась конфликта, но еще сильнее страшилась того, что ее сердечная стрела полетит не туда.

— Хм-м-м. Ладно.

Тон голоса, поджатые губы, взгляд — отказ разочаровал ее... и сделал больно. Психичка одной обычной шуткой разрядила обстановку, и разговор вернулся на круги своя.

Но Микки и Кё-кун больше ничего не говорили.

□

Настал черед расходиться; когда мы разделились с Микки, я отчаянно молилась, чтобы ее стрелка не поменяла направление. Из компании остались только трое: я, Психичка и Кё-кун. Психичка прервала тишину первой.

— Да расслабься ты. Мики-чан может целый день проходить с надутыми губами, но завтра уже обо всем забудет, — объяснила она со смешком, словно не такое уж это и большое дело.

Она намеренно говорила легкомысленно, ведь знала, что для Кё-куна как раз это имеет огромное значение.

— М-м-м, — простонал он.

— Но я искренне впечатлена. Ты мог уступить, написать пресное, безобидное письмо, но решил настоять на своем. Круто.

Я согласилась... но лишь потому, что знала о его чувствах. Микки же ни о чем не догадывалась и могла подумать, что он собирался написать о ней всякие гадости и хотел оставить это в тайне. Быть может, поэтому она больше ни разу с ним не заговорила.

— Мн-н-н-н, — застонал он снова.

По крайней мере, он пытается переварить слова утешения, но ему не хватает сил проглотить их. Внутри у него наверняка творится беспорядок. Я знала это, ведь мы оба относились к одному типу людей: искали глубокий смысл в каждом слове и жесте, прыгали к заключениям, когда видели первый признак худшего предположения, и ни разу не останавливались, чтобы подтвердить факты.

Что бы я хотела услышать от других, окажись на его месте? Я не могла поступать так же, как Микки, Психичка или Зука-кун. Раз в голову не приходили нужные слова, я ненароком отдала Психичке возможность разобраться.

Наконец мы подошли к перекрестку. Не метафорическому — мы буквально встали на перекрестке между домом Психички и нашими. В другие дни, когда доходили до перепутья, она легко махала нам рукой и шла к себе. В этот раз я почувствовала ее колебание. К счастью, она, видимо, поняла, что осторожный подход к Кё-куну может обернуться неудачей, поэтому, задержав взгляд всего на мгновение, сказала:

— Ну-с, славные мои, увидимся завтра.

Махнув рукой, она ушла.

На миг воцарилась ледяная тишина, потом Кё-кун пошел дальше, и я последовала за ним. Попыталась придумать добрые слова поддержки, но через пару шагов он слегка стукнул меня

по плечу.

— Я буду в порядке.

Он напряженно улыбнулся. В носу защипало, словно от васаби. Я не могу с этим смириться.

— Дай-ка угадаю. Ты врешь?

Вместо ответа он снова застонал, поэтому я решила пойти дальше.

— Можно спросить?

— О чем?

Не то чтобы мне нужны были детали. Я просто хотела знать, как много это для него значит.

— Почему ты отказался?

Подумалось, что он не ответит... и я оказалась права, но ровно наполовину. Он не ответил прямо и, казалось, сменил тему разговора, но на самом деле его слова были лишь другой стороной медали.

— Я не собираюсь поступать в тот институт.

Как это?

Я остановилась. Кё-кун сделал еще несколько шагов, потом встал на месте и выдавил улыбку. Такой вот он человек — отдаст последнюю рубашку нуждающемуся.

— Я все обдумал и... пришел к такому решению.

— П-почему нет?

— М-м-м-м... — В этот раз, однако, после стога он продолжил: — Просто не вижу себя в нем.

— Я понимаю, требования у них повыше, но...

По правде говоря, я уже понимала, что дело было не столько в требованиях или среднем балле. Но я решила включить дурочку в надежде скрыть чувства. Не то чтобы для этого была какая-то

конкретная причина, естественно.

— Когда мы затеяли написать письма, я впервые серьезно обдумал планы на будущее. И в итоге понял... что неудачник вроде меня не...

Он остановился не для вдоха, просто не хотел заканчивать мысль. Ему было слишком страшно. Он знал о собственных чувствах, только не хотел их признавать.

— Ты единственная, с кем я могу об этом поговорить.

Я знала, о чем он. И он это понимал, поэтому хотел сочувствия. К сожалению, я слишком легко представляла, каково ему сейчас.

Я ведь тоже всю жизнь считала себя неудачницей. Мышью. Недостойной. Очевидно, у каждого были комплексы, но для людей вроде нас с Кё-куном они наносили непоправимый ущерб. Может, мы просто родились такими.

Я прекрасно понимала его боль и все же больше не верила, что обязана, как его друг, бездумно утешать. Я так решила, когда получше узнала Кё-куна и остальных.

— Перестань. — Я глубоко вдохнула. — Если и дальше собираешься быть трусом, то хотя бы делай это правильно! Не прячь от нее письмо, запиши: «Я тебя не люблю» и... отдай прямо сейчас!

Мой голос сорвался, затрещал. Уж кому, но не неудачнице вроде меня произносить эти слова.

— Ты распинаться должен перед ней! Я тут при чем?!

Переубедить его было довольно легко даже разговором; все-таки здесь он абсолютно неправ. Я могла лишиться нашей дружбы, но не пошла по этому пути. И не из-за того, что боялась ее потерять.

Если ради желания он и пальцем не пошевелит, его стрелка пропадет впустую. Громадное чувство любви заслуживает такого же громадного вклада.

— Если продолжишь в том же духе, через десять лет даже не захочешь встретиться с нами!

У нас много общего, и я понимала: если он и дальше будет лгать себе и притворяться, это означает конец. Если он не попытается стать кем-то иным помимо друга Микки, через десять лет он не захочет воссоединиться со всеми и выкапывать капсулу времени. Не захочет столкнуться лицом к лицу с закопанными сожалениями.

Тогда-то меня осенило: может быть, взрослые на самом деле не забывали про место, где оставили письма.

Кё-кун молчал, а для меня время, проведенное в ожидании ответа, стало кошмаром. Потребовалось собрать всю смелость, чтобы высказаться, но, честно говоря, я не была уверена, стоило ли вмешиваться. Внутри нарастало сожаление — а еще беспокойство и капля отчаяния. «Мы считай вдвоем боролись с односторонними чувствами», — подумала я про себя.

Его озадаченный взгляд сменился печальным и переместился на меня. Через миг я поняла, что это была не печаль, а страх. Он слегка выдохнул, как в те моменты, когда собирался сказать то, чего говорить не следовало.

— Знаешь... благодаря тебе я подружился с ней.

Я крайне не согласна с этим заявлением, но ради продолжения разговора кивнула.

— И поэтому все задавался вопросом: мне правда нужно больше?

Я почти сказала ему перестать так думать, но он продолжал:

— И всякий раз я...

Так?

— Всякий раз я знал ответ, он лежит глубоко внутри: «Да». Быть только друзьями для меня недостаточно. С каждым новым днем я...

«Люблю ее все больше и больше».

Мой мозг автоматически заполнил пустоту. Но ему и не нужно говорить это вслух. По крайней мере, не мне.

По его взгляду я понимала: из всех пугающих вещей в мире больше всего он боялся собственных чувств. Как бы Кё-кун ни пытался убедить себя, что дружбы достаточно, чувства твердили обратное, и он боялся свернуть на другую тропинку. Какую? Что ж, есть только одна такая. Но бесконечно далекая... и настолько же глубокая.

— Что мне делать?

Он будто залез в каждый уголок сердца, а удалось найти только этот вопрос. Но и я не могла дать полезный совет — у меня его попросту не было.

— Я не совсем уверена, но... ты правда хочешь услышать мое мнение?

Я решила для начала убедиться. Он слегка кивнул.

— Думаю, это сделает ее счастливой. И она по достоинству оценит поступок.

Звучало как клишированное утешение из сёдэ манги. Но я поняла, только когда слова слетели с уст: он это знал. Поэтому и боялся.

Мы тащились по улице с мучительными мыслями о Микки. Шли пешком, потому что сегодня он не на велосипеде. Спустя время остановились перед развилкой: одна дорога вела к его дому, другая — к моему. Должно быть, импульс побудил меня сказать что-то, и я толком не успела подумать, как слова уже слетели сами собой:

— Не хотелось бы видеть, как кто-то другой украдет ее.

Это была одна из самых темных мыслей. Уверена, она лишь усилит подавленность Кё-куна. И кто за язык тянул? Я тут же прокляла себя... хотя отчасти гордилась сказанным.

Возможно, на мгновение он ощутил предвкушение радости.

— Значит, одобряешь? — спросил он со слабой улыбкой, первой за весь день.

Я кивнула без колебаний.

Затем мы попрощались и разошлись по домам.

Ночью я не могла сомкнуть глаз и села за еще одно письмо.

□

«Дорогая Микки.

У тебя есть сила менять людей. Ты, вероятно, не догадываешься, но поначалу я была ошеломлена, когда увидела тебя на пороге дома. Ошеломлена внезапным приходом девушки, которая ничего обо мне не знает. Должна признаться, я посчитала тебя грубой невежей. Но стоило тебе только посмотреть в глаза и сказать, что хочешь подружиться, как я набралась смелости довериться... чему несказанно рада.

Мы узнали друг друга получше, и я поняла, что нет ничего милее задорной, приземленной девушки с мечтой стать героем. А еще ты красивая, спортивная... Нечестно. Впрочем, ты

обладаешь не только внушительной силой, но и порядочным числом недостатков.

Мы ведь друзья, потому мне все о них известно. Но будь я парнем, влюбилась бы без задней мысли, несмотря на эти недостатки. Слишком НЕСПРАВЕДЛИВО.

Ты герой, Микки, и абсолютно все невольно доверяют тебе. Вот пример: неуверенный в себе парнишка никогда бы и помыслить не мог полюбить популярную девчонку вроде тебя. Но с тобой он может спать спокойно, зная, что ты не растопчешь его чувства. Это еще одна причина, почему мы все так тебя обожаем.

Напоследок позволь сказать грубость: ты слепая, как крот, тупица!»

□

Я проснулась, посмотрела на часы, выползла из кровати.

Чертова школа!

Но пока я переодевалась, запоздало вспомнила, что учитель отменил дополнительные занятия. Поэтому будильник и стоял на час позже.

Я сняла форму, побрела на кухню, где меня ждал приготовленный мамой завтрак. Во время еды пришла к выводу, что без дополнительных занятий не так уж и хорошо живется.

Когда у нас нет занятий, мы встречаемся в библиотеке — только Зука-кун из-за клуба не всегда приходил. Мы не устанавливали время заранее, а просто натыкались друг на друга. Потому не такое уж и большое дело, если кто-то не появлялся. Но мы успели так привыкнуть к встречам в библиотеке, что отсутствие кого-либо сразу бросалось в глаза.

Мы могли легко поменять планы в зависимости от состава группы, так нам было проще. Но если кто-то не покажется сегодня, значит, произошло отклонение от нормы — неважно, намеренно или случайно... Все равно обернется проблемами...

«Пожалуйста, придите все», — помолилась я, выходя из дома. В этот раз я решила не садиться на велосипед, а для разнообразия пройтись пешком, тем более погода только подстегнула к прогулке. Спустя несколько минут, правда, солнце дало о себе знать и я тут же пожалела о решении.

Глотнув воды, направилась напрямик в библиотеку, полная надежд столкнуться по пути с Кё-куном. Не чтобы он мог прокатить меня на велике, а для эмоциональной разгрузки. Я хотела перестать бояться мысли, что сегодня он может не прийти. Хотя однажды, когда желание было совсем противоположным, оно не сбылось.

Я могла о многом поразмыслить по пути к библиотеке. Например, мне предстояло решить, куда подавать документы. Тем не менее по неизвестной причине мозг игнорировал насущные проблемы и агонизировал над вопросом, которым я задавалась еще с детства. Кажется, в последнее время он стал привлекать все больше внимания.

Раз в несколько месяцев я спрашивала себя: «Почему именно я?»

Обычно я не обращала на это внимания, но из-за вчерашнего случая, похоже, стала слишком чувствительной. Проходя по улице мимо парочки, я каждый раз спрашивала: «Почему я могу видеть любовь людей?»

Я никогда не жаловалась на эту способность, но и не благодарила за нее.

Помню, как впала в оцепенение, когда выяснила, что остальные не видят стрелок. Мы словно глядели на разные миры. Между тем я постоянно делала вид, что не вижу их, чтобы меня не считали странной.

Но я все равно отчетливо их видела. Как и изменения за последние несколько месяцев.

Февраль.

— Все не так! Он не в моем вкусе, так что однозначно нет! — выпалила она, покрасневшись.

Март.

— То есть, э... ага, нет, не так. Просто... ну, ага, нет, — запинаясь она, ерзая на месте.

Апрель.

— Любовные признания ведь должны быть той еще нервотрепкой? Но я совсем не нервничала... ведь в тот раз он подарил мне колокольчик... — затихла она, вероятно, поняв смысл жеста.

Если забыть о том, насколько очаровательной была ее реакция — она, похоже, даже не осознавала, что разоткровенничалась передо мной. Хотя по ее лицу и так все становилось очевидным. Моя способность делала это еще более явным. Однако стрелки только информировали. Как ни прискорбно, сила не давала мне возможности помогать. Я только могла и дальше поддерживать друзей.

Если бы способность досталась более красивой и общительной девушке, быть может, ей бы нашлось лучшее применение, однако Бог растратил ее на меня. Я регулярно спрашивала себя: «Наступит ли день, когда сила кому-то пригодится? Какую роль Он мне отвел?»

Ох, теперь понятно.

В корне всех моих маленьких проблем лежала одна причина. Причина, почему я не могу представить будущую себя, почему не могу выбрать карьерный путь, почему не могу постигнуть собственную силу. И, возможно, причина нехватки самоуверенности. Все потому, что я не знала себя. За семнадцать лет я так и не смогла прийти к ответу, и теперь этот вопрос стал частью еще больших сомнений. Естественно, у меня не выйдет написать письмо едва знакомому человеку.

Подобные размышления отнимают гораздо больше пятнадцати минут, потому не успела опомниться, как очутилась возле библиотеки.

Между прочим, я еще не думала использовать силу для продвижения по карьере. Какая работа получит пользу от моей способности?.. Брачное агентство? Семейный консультант? Нет, нет, нет! Я не могу работать там, где решение оказывает столь огромное воздействие на жизнь людей. Мое маленькое сердце этого не выдержит.

Я подошла ко входу в библиотеку. Автоматические двери распахнулись, и на меня подул приятный прохладный ветерок. На первом этаже стояла большая стойка регистрации, окруженная десятками книг на полках. Каждый раз проходя мимо, я ловила себя на мысли, как здорово здесь находиться, но моим местом назначения, как ученицы третьего года, была зона наверху.

С утра там была занята лишь треть мест, поэтому я могла спокойно выбрать свободный стол. Но, когда осмотрелась, заметила Кё-куна.

После вчерашнего разговора я слишком стеснялась заговорить с ним. Потому оторвала линованный листок из блокнота, написала на нем: «Доброе утро» и осмотрительно медленно положила на стол сзади. Вышло до безобразия нелепо, я это сама понимала и не гордилась поступком. Но он взглянул на меня с улыбкой, потом написал: «Утро!» на моем листке.

Упоминания вчерашнего дня удалось избежать, и мы мирно провели время, сосредоточившись на задачах. Через примерно двадцать минут я словно набралась достаточно спокойствия, чтобы разобраться со всеми неприятностями. Но мнимая уверенность продержалась недолго. Играй в моей жизни саундтреки, в этот момент загремела бы тревожная музыка... ведь монстр готовился к атаке.

С моей стороны грубо так ее называть, учитывая, что прошлой ночью я нарекла ее «героем», но внушенный утром страх поставил ее наравне с Годзиллой. И стоило ей только появиться в укромном месте для учебы, как я едва не взвизгнула.

Она села рядом с Кё-куном, прямо напротив меня. Сейчас она расплылась в преувеличенной улыбке по сравнению с ухмылкой хорошего настроения. Подруга заметила наш письменный обмен приветствиями, написала: «Доброе утро» и подняла листок, показывая нам.

В улыбке Микки не было ничего дурного, она была прекрасна. Нет, поразило меня совсем другое — то, что только я могла видеть. В жизни не встречала столь напористую стрелку. Что ее вызвало?

Я мельком глянула на Кё-куна. Он нервничал из-за Микки, но его стрелка оставалась все такой же невинной.

За неимением другого выбора, я просто улыбнулась. А потом Микки все так же преувеличенно улыбнулась уже мне...

Вот бли-и-и-ин.

Атмосфера накалилась, я чувствовала, как вот-вот что-то произойдет.

Психичка, Зука-кун, придите хоть кто-нибудь!

Но, возможно, молиться было ошибкой. Силы моих чувств не хватало, чтобы остановить несущийся поезд Микки.

Вот она здесь, в учебной зоне, но тетради не достает. Зачем тогда пришла? Зал наполнился такой оглушительной тишиной, что, казалось, можно было услышать даже мимолетную мысль. Словно мне в ответ, она наконец достала из пенала ручку... и розовый лист бумаги.

Что она задумала? Я почти воочию видела карикатурный вопросительный знак над своей головой. Она слегка толкнула Кё-куна (тот старательно делал вид, что погружен в учебу) и указала на лист.

И принялась писать, пока он смотрел.

«Дорогой Кё-кун...»

Я мысленно закричала. Если мои чувства примут формы качели, та будет вращаться по кругу как сумасшедшая. Микки тем временем все ухмылялась. Психичка наверняка сделала бы это более грациозно, но Микки не владела нужными навыками.

До меня начало доходить значение ее преувеличенной улыбки. Возможно, она появляется всякий раз, когда Микки скрывает истинные чувства. Тогда печаль, гнев или другие негативные эмоции смешиваются с чувствами к Кё-куну и образуют ту невиданную стрелку.

Кё-кун напряженно застыл. Я даже представить не могу, какие мысли крутятся в голове у того, чей сосед прямо у него на глазах собирался написать тайное письмо. Кроме того, я совсем не ожидала пассивно-агрессивного поведения самой Микки.

Что мне делать?

Я попыталась что-то придумать. Это точно лучший способ рассказать ему о своих чувствах? Но если остановлю ее, не ухудшатся ли их отношения?

Гх, что мне делать?!

Тут-то одна мысль дала мне передышку: а с каких пор Микки так ведет себя? Разве она была когда-то эгоистичной дурой, которая издевается над несогласными? Я что, неправильно ее узнала за время дружбы?

Паника кинула меня в непредвиденную кроличью нору. Микки сделала глубокий вдох, прижала кончиком ручки бумагу.

В ту же секунду заскрипел стул: это вскочил Кё-кун. На поднятый шум сразу же отреагировали читатели... но вскоре случай был замят как часть библиотечной жизни. Единственная, кого это не коснулось, была Микки.

Моргнув в оцепенении, она взяла блокнот и написала: «Что случилось?» Затем подняла его, чтобы он прочитал. Я не отводила от него взгляда.

Кё-кун неуклюже взял ручку, уронил, снова подобрал и написал: «Я в туалет». Микки: «Лады. Буду ждать».

О Боже, о Боже, о Боже.

Она все ухмылялась, не обращая внимания на страх, внушаемый жертвам этой широченной улыбкой. Проследив за побегом Кё-куна, я собрала в кулак всю имеющуюся смелость, пересекла стол и прошептала:

— Ч... ч-ч-ч-чего ты творишь?!

Она с той же улыбкой посмотрела мне в глаза, взяла ручку и написала: «Ничего! Не переживай так!»

Я качнула головой.

Вот уж нет, ты поняла меня! Я знаю, что-то точно происходит!

Она все тарачилась на меня и тихо хихикнула. Потом быстро нацарапала: «Я здесь, чтобы все прояснить».

Ох, так она в курсе?

И она добавила, точно в ответ на невысказанный вопрос: «Я обо всем догадалась».

Сердце готово было выпрыгнуть из груди, наверное, весь зал мог услышать мой страх. О чем таком она догадалась? Пульс подскочил, разум заполнили туманные мысли, но слова не выходили — я просто беспомощно хлопала губами, как золотая рыбка.

Вскоре вернулся Кё-кун, и я не была уверена, рада ли его возвращению. Он прочитал запись Микки и запаниковал еще сильнее. Я уже начала сожалеть, что не спрятала листок, когда могла. Но, естественно, сокрушаться было уже поздно.

Он снова сел за стол, а Микки, восприняв это за сигнал, схватила ручку и поднесла к бумаге.

Я в спешке нацарапала в блокноте: «Стоять!» Всего одно слово, так почему вслух не произнесла? Я не могла здраво мыслить. Зато понимала, что должна спросить: «Мне уйти?»

Я встретилась взглядом сначала с Микки, а потом и с Кё-куном. Она в раздумье приложила палец к щеке, а он слегка покачал головой. Микки написала: «Останься». И вот я закрыла глаза и попыталась собрать хоть каплю решимости, которой у меня не было.

Она знает. Она знает. Она знает.

Знает о любви Кё-куна. А что еще может значить ее «догадалась» насчет меня или Кё-куна, о чем она еще не знала? О моей особой силе? Так никто не мог догадаться, пока я сама бы не рассказала.

Если Микки действительно заметила чувства Кё-куна и теперь собирается рассказать о своих, что же, есть все шансы на счастливый конец. Но почему она кажется немного... напористой? От нетерпения?

Так или иначе, ее ручка определит исход сегодняшнего дня, а мне оставалось только сидеть и наблюдать. Я не могла вынудить Микки остановиться. Если кому и прерывать ее, так это Кё-куну. Но, конечно, он не станет этого делать.

Наконец, кончик ручки прижался к бумаге. Но прежде чем успела появиться чернильная точка, она начала писать одну букву за другой:

«Ты влюбился».

И на этом остановилась.

Я остолбенела. Микки тоже. Кё-кун тоже. Оно и понятно.

Вряд ли он мог подумать, что когда-либо накроет ее руку своей, просто чтобы остановить. Он в спешке отдернул ее, но сделанного не воротишь. Кё-кун опустил взгляд на руку, сжал и разжал.

— Прости, — пробормотал он слабым голосом.

Микки застыла на миг, явно озадаченная. Тем не менее из нас троих она оправилась быстрее всех. Наверное, уже привыкла к подобным вещам. «В чем дело?» — написала она. Затем протянула Кё-куну ручку, хотя у него и своя была, причем лежала прямо перед ним.

Он краем глаза посмотрел на предложенную. Затем неохотно принял. Немного подумав, осторожно выписал ответ из одного слова: «Хватит».

Мне хватило только представить чувства, какие он испытал, когда писал эти шесть букв, чтобы в груди заныло. Не знаю почему, но я была готова расплакаться. Конечно же, я сдержала слезы.

Микки хмуро зыркнула на него, отобрала ручку и написала: «Почему?», затем вернула ее. Он старался не смотреть на девушку и, судя по лицу, едва сдерживал крик. Наблюдать за его страданиями было невыносимо.

«Прости, Мики-сан, — написал он. — Понимаю, ты обо всем догадалась и я искренне признателен, что ты пришла и хочешь поговорить. Чтобы внести ясность, наверное. Но мне бы не хотелось, чтобы ты испытывала неловкость, потому не переживай. Кстати, я не планирую поступать в твой институт. Мне правда жаль, что я такой неудачник».

Закончилось тем, с чего началось: извинениями. Откровение шокировало меня. Он знал, что она догадалась, но не стал давить, а просто отступил?

Но еще сильнее во мне откликнулось последнее предложение. «Мне правда жаль, что я такой неудачник» или, другими словами, «Мне правда жаль, что такой неудачник влюбился в тебя».

Как она отреагирует? Пока Микки читала послание, я молилась, чтобы потом она не побила Кё-куна. Не представляю, с чего она решила писать письмо на его глазах, но будь мир не таким странным и сложным, они бы точно...

— В смысле тебе жаль? — спросила Микки, точно забыла, что пришла в библиотеку.

В голосе не слышались вражда и обвинение, и все же он походил на огненное дыхание Годзиллы.

— Почему тебе жаль?

Я не раз видела, когда Микки выражала недовольство, но сейчас впервые наблюдала за ее неподдельной яростью.

— Не разговаривай со мной как с идиоткой!

Стул с грохотом отодвинулся. Ее реакция слишком отклонилась от нормы, на которую посетители библиотеки не обратили бы внимания. Но, естественно, ей было все равно. Она резко затолкала вещи обратно в сумку, скомкала лист бумаги и бросила обратно на стол. Напоследок взглянув на меня, она молча развернулась и ушла прочь, сметая все на своем пути.

Мы озадаченно смотрели, как она спускалась по лестнице. Затем переглянулись, застыв на добрые десять или двадцать секунд.

За это время мы, вероятно, о многом подумали. Почему Микки разозлилась? Что она имела в виду? Какое из извинений Кё-куна зажгло фитиль? И что нам теперь делать дальше?

Ни на один вопрос у меня не нашлось ответа, но рот задвигался сам по себе:

— Иди.

Кё-кун вопросительно посмотрел на меня. По-видимому, я и сама позабыла, что нахожусь в библиотеке. Всего на один краткий миг я забыла о своей участи неудачницы. Мне не следовало лезть не в свое дело, но и это вылетело из головы.

— Пошел за ней! Поднимайся и иди прямо сейчас!

Обычная я никогда бы не закатила сцену, но сейчас перешла на крик. Боялась, что иначе Кё-кун уже не увидит свет.

Сначала он не двигался, но потом молча поднялся и побежал за Микки.

На мои плечи словно опустилась гора, и под взглядами остальных я вдруг поняла: может, вот для чего. Впереди лежала целая жизнь, но... возможно, дарованная мне сила была нужна для этого самого момента. Ведь в совете Кё-куну я была так уверена лишь по одной причине: я в буквальном смысле видела вырвавшуюся из Микки стрелку, которая полетела именно в него.

Я начала молиться... но в этот раз не отвернулась. Нет, сейчас я молилась всем сердцем, посылая любовь и поддержку. Как закончила, встала из-за стола, извинилась перед сидящими неподалеку и вышла.

Потом принесла извинение библиотекарю и спустилась на первый этаж. Микки и Кё-куна нигде не было видно. Но тут автоматические двери открылись и внутрь пожаловал знакомый. Зука-кун.

Я ринулась вперед. Он сразу заметил меня.

— Рад видеть, — сказал он с чарующей улыбкой.

Не уверена, знал ли он про Микки или Кё-куна, но меня немного вывел из себя его неизменный настрой.

□

«Дорогой Кё-кун.

Во-первых, хотелось бы написать о случившемся сегодня днем, — о чувствах, о которых не могу никому поведать. Через десять лет я дам тебе прочесть письмо и когда ты поймешь, как сильно пришлось настрадаться, начну безжалостно издеваться над тобой.

Давай начнем с твоей любимой Микки, бестолковой Годзиллы, то есть. Да, она дура. Точно тебе говорю. И я бы даже сказала ей это в лицо, просто не было возможности из-за... ну, знаешь... всего остального.

Раз уж зашла речь, давай-ка внесу ясность: ты тоже тот еще дурак. Сегодня все пошло наперекосяк лишь по одной причине — ваша дурасть идеально согласовалась. Когда мы повзрослеем, я от тебя буду ждать приглашения на барбекю вместе с Микки, чтобы загладить вину.

Напишу теперь про ТВОЮ дурасть. Кё-кун, ты чересчур сильно любишь недооценивать. Не забывай, твой глупый секрет вынудил меня извиняться перед всеми в библиотеке. Ты серьезно думал, что Микки узнала о твоих чувствах? Ты недооценил ее толстокожесть. Ну не хватит ей соображалки. В самом деле, она ведь совсем дубовая. И лучше тебе уяснить это за десять лет, иначе не избежать повторения сегодняшнего казуса.

Но ты недооценил не только ее. Я скажу кое-что очень важное, так что, пожалуйста, слушай внимательно. Кё-кун, ты принизил себя. Поверь, я понимаю, когда при общении с другим человеком начинаешь думать о себе, как о неудачнике. Я это знаю, потому что сама такая. Но знаешь, какое у меня сложилось впечатление? Ты будто считаешь, что мы не заметим твоего исчезновения. Вот разница между нами: я постоянно переживаю, что из-за меня злятся люди, а ты убежден, что всем на тебя плевать. Очень важное различие.

Если говорить откровенно, моя самооценка на самом дне. Но достаточно было подружиться с тобой, Микки, Психичкой и Зукой-куном, как я медленно, очень медленно начала осознавать,

что это не совсем так. Надеюсь, через десять лет я обрету больше уверенности в себе. И буду рассчитывать, что ты тоже, ведь это поможет избежать лишних курьезов.

Сегодня я прозрела: у каждого из нас свой характер, интересы и взгляды. Каждому отведена секретная роль в жизни. И, может быть, наши роли дополняют друг друга. Я все еще не понимаю, какой вклад вношу в группу, но раз рядом со мной весело, значит, от меня есть какая-никакая польза.

Я хочу отплатить за то, что вы сделали для меня. Но знаешь, вопросы вроде "Что я могу предложить?" и "Какой я человек" несут в себе один и тот же смысл. Так или иначе, я извинилась перед всеми в библиотеке вместо кое-кого, а это уже хоть что-то.

Конечно, ты многое дал мне взамен. Из всех друзей с тобой проще всего завязать разговор. Звучит, наверное, как сущий пустяк, но мне в таких вещах всегда было тяжело, потому для меня эта черта имеет огромное значение. Тебя ведь постоянно дразнят, да? Может быть, с тобой так просто, потому что мы знаем: ты выслушаешь. Символический жест от человека с добрым сердцем. И какой же ты дурак, если не понимаешь этого (и много другого). Но именно поэтому мы поддерживали тебя в любви к еще большей дурочке.

Случай в библиотеке не на шутку меня перепугал. Я боялась, что вы навсегда измените отношения в нашей группе.

Минуло целых десять лет, а помнишь, что Микки сказала, когда недоразумение было улажено? Она думала, что ты не хочешь обмениваться письмами из-за МЕНЯ. Почему? Потому что когда предложила это сделать, ты глаз от меня не отводил, да и в целом становишься более спокойным и расслабленным в моем присутствии. Она считала, что ты влюблен в меня, поэтому не хотела вставать на пути. Микки хотела официально расставить все по местам, чтобы затем сосредоточиться только на вступительных экзаменах. А еще она сказала: «Но его снисходительный ответ взбесил меня!»

Она была полностью права!!! Какая же Микки идиотка!!! Всякий раз, как разговор заходил о любви, мне казалось, что она просто стеснялась чувств к тебе, но нет, оказывается, это она обо МНЕ переживала! Поверить не могу!

Но справедливости ради, это и ТВОЯ вина. По одной фразе на листке предположил, что она знает, как ты запал на нее. Потом еще целую статью написал, в которой, как она подумала, надменно отшил ее! Боже, какой же ты глупый! Пожалуйста, найди тот самый лист. Перечитай и СГОРИ ОТ СТЫДА!

В любом случае прости, письмо вышло довольно объемным. Я хотела выложить все чувства, пока сегодняшнее волнение не утихло. Надеюсь, ты прочтешь его через десять лет. После вышесказанного хотелось бы еще кое-что добавить, но я так стесняюсь говорить при личной встрече, что просто напишу здесь. Готов?

Желаю вам прожить долгую и счастливую жизнь вместе!»

□

— Ну, полагаю, дело решено.

На следующий день мы с Психичкой шли домой, поедая мороженое. Вчера она не пришла из-за внезапной смерти в семье, но сегодня уже успела выслушать историю от Микки.

— Счастливая ты. Как бы мне хотелось посмотреть на все своими глазами.

— Поверь, там было не до смеха.

— Еще ничего не потеряно, я буду в истерике биться, если они провалят из-за этого вступительные.

Она уже говорила нечто похожее. Тогда я просто отмахнулась, но на сей раз серьезно кивнула.

— И я.

— Вау, да ты зло во плоти!

— Я просто уже устала возиться с ними.

Психичка хихикнула.

— Но я рада.

В кои-то веки она не шутила... Правда, я сделала вид, что не заметила нотки грусти в ее голосе.

— Это новое начало. Остальное уже зависит от них.

— Ага.

Новое начало. Не только для них, но и для нас. Настал черед каждому пойти собственным путем. Момент пугал, вызывал тревогу, все-таки никто не ведал, что ждало впереди.

— Погоди...

— Хм-м? Что такое, Миязато-чан?

— Кажется, я знаю, что написать в письме будущей себе.

Наверное, это что-то вроде момента истины. Как приду домой, немедленно возьму ручку и приступлю. И когда я наконец-то разобралась с последней проблемой, мороженое стало намного вкуснее.

— Кстати, я тут вспомнила: знаешь, почему Кё единственный, кому Мики-чан не дала прозвище?

— Нет, почему?

— Хе-хе-хе. Мне крышу снесло, когда она рассказала.

Сердце забилось. В следующий миг она показала мне язык.

— Не смогла придумать. Представляешь, безумство какое? Я думала, на то была особая причина.

— Чего?! Ой, да брось!

В голову закралась странная мысль: шестое чувство подсказало ей, что она рано или поздно влюбится в него. Поэтому всячески избегала придумывать стремное прозвище. Но, видимо, я забрела в совсем уж дремучие дебри. Seriously, каждый новый секрет оказывается все глупее и глупее.

Когда дело доходит до невысказанного, наш разум непременно начинает слишком все усложнять. Я постоянно возвращалась к мысли, что мы бы могли избежать недоразумений, будь каждый наделен способностью вроде моей. Но достаточно было отмахнуться, как воображение рисовало картину, как мы создаем еще больше проблем, поскольку слишком зацикливаемся на увиденном.

Всего через несколько минут мы, как во все предыдущие дни, дошли до перепутья.

□

«Дорогая будущая я.

Пообещай мне кое-что.

Чем бы ты ни занималась, кто бы рядом с тобой ни находился, кем бы ты ни стала... просто пообещай, что прочтешь письма с улыбкой.

А пока желаю тебе только всего наилучшего.

□

P.S. Ох, и еще надеюсь, что однажды ты увидишь стрелку, которая укажет на тебя!»

<http://tl.rulate.ru/book/64393/1703368>